2003 – №11 (нояб.) – С.3

ARTES LIBERALES

ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЕВИЧ: КАЖДЫЙ РОЖДАЕТСЯ ГЕНИЕМ

На встречу с Вячеславом Шалевичем – знаменитым вахтанговским актером и руководителем театра имени Рубена Симонова – я шла, гонимая любопытством: слишком уж много в прессе говорится о его многочисленных романах. Согласитесь, что откровения под заголовком «Мои звездные романы служили мне стимулом» не могут не заинтриговать...

– Вячеслав Анатольевич, вы тот редкий человек, который свободно говорит о своей личной жизни с журналистами. Для вас, похоже, нет запретных тем: жены, возлюбленные...

– Я сам никогда не стремился об этом говорить. «Мои звездные романы» – это совершенно не мой стиль. Единственный случай произошел со мной из-за того, что мы очень хотели попасть в Лос-Анджелес, но это никак не удавалось, нужна была реклама (хотя мы уже дважды были на гастролях в США). И когда оттуда приехала журналистка, которая спровоцировала меня на этот разговор, то я поддался, понимая, с какой публикой имею дело. Она представилась как американская журналистка, но материал все-таки появился в нашей прессе, а потом уже пошли перепевы, журналисты сами много напридумывали... Меня это очень обидело, что вот так, исподтишка... Некоторые артисты это любят, даже книжки пишут такого ранга. Но я эту тему закрываю категорически.

– Но все-таки, хотите вы или нет, такие публикации привлекают внимание публики и способствуют популярности...

– Как говорила в свое время Мансурова, «если о тебе говорят, то это еще хорошо, плохо, когда перестанут говорить». Но не в популярности тут дело: век такой наступил – все ищут клюковку или солененького. За популярностью вообще уследить нельзя. Откуда она идет – никто не знает. Был же известный случай, когда Стриженов стоял в очереди за билетами в кино, и его узнали: «Ой, пожалуйста, давайте артиста пустим, проходите, товарищ Смоктуновский». Или вот я приехал в один город, подбегает женщина: «Ой, здравствуйте, вы мой самый любимый артист, я думала, вы давно умерли!» Нормально! Я как-то не обращаю на это внимание, хотя порой просто пользуюсь. Когда ломали наш старый дом на Арбате, я стал искать квартиру: в один ЖЭК зашел – не узнали меня, в другой – опять не узнали, а в третьем узнали, я тут же и говорю: «Где здесь пустует квартира?» Живу в ней до сих пор.

– Скажите, а ведь после назначения на пост руководителя театра имени Рубена Симонова вам приходится заниматься по большей части поддержанием популярности этого театра, а не своей собственной. И вы все-таки пошли на этот шаг?

– На самом деле никакого ущерба для моей популярности не произошло: меня как узнавали, так и узнают. Когда меня пригласили в Правительство Москвы и сказали: «Попробуйте», я подумал, что ведь этот театр создан в память Рубена Николаевича, моего крестного отца, моего учителя в театре, и мне захотелось, чтобы его имя оставалось в сегодняшней афише. Ведь когда меня назначили, театр практически хотели закрыть.

– Образ Рубена Симонова как-то помогает вам в работе?

– Образ актера – это легенды, легенды... Даже в мелочах. Мне бы быть иногда построже в дисциплинарных вопросах, а я вспоминаю, как Рубен Николаевич рассказывал: он опаздывал на спектакль, взбежав по лестнице, уперся прямо в живот Вахтангову, который строго посмотрел ему в глаза и произнес: «Идите на сцену». А дисциплина тогда была серьезная! Но выговора не последовало, потому что Вахтангов сказал: «Не надо, я видел его лицо». А еще я не забуду, как в спектакле «Филумена Мартурано» Симонов объяснялся в любви Мансуровой. Когда он говорит: «Я женюсь на тебе еще и потому, что один из трех – мой сын». – «Только поэтому?» И он, превозмогая себя, мужскую гордость, эгоизм, говорил: «Нет, я женюсь на тебе еще и потому, что я! я! я... я...» И постепенно преодолевая эти четыре «я», он выпаливал: «Люблю тебя, Филумена», и это был обвал в зрительном зале. Я стоял каждый раз за кулисами, как на молитве.

– Почему вы сами практически не ставите спектакли? Ведь насколько мне известно, вы специально закончили высшие режиссерские курсы...

– Да, закончил, но чтобы уйти в сферу режиссуры, надо бросить все: слишком много времени уносит структура, организация дела. Если я сижу в зале на репетиции, то мне все мешает, любое отвлечение, любой заход – какое-нибудь «простите, Вам звонят». К сожалению, я становлюсь чиновником на этой работе, потому что вынужден не только художественными, но и дисциплинарными и финансовыми проблемами заниматься. Даже, знаете, не просто чиновником, я каким-то очень переживающим человеком становлюсь: за уборщиц переживаю, за малярные работы, за гвозди... А если еще учесть новомодные изобретения всякие! Теперь вот выдумали казначейство. Хотя и обещал Лужков его упразднить, но пока я должен запланировать заранее, сколько килограмм гвоздей мне нужно на будущий год! Как я это могу запланировать?! Я работаю с художниками, откуда я знаю, какая холстина, какая парусина и какое дерево им понадобится? Они же фантазируют, они живут этим, и никогда не угадаешь, в какую сумму это выльется. Вот мы полбюджета кинули на фантастические костюмы к спектаклю «Шерше ля фам», которые сделала талантливейший художник Синицына. Когда актеры выходят в этих костюмах, переодеваются за 24 секунды и вновь появляются на сцене, – овации в зале!.. Да, все труднее и труднее становится... А эти зарплаты – осветителям, рабочим сцены? Чтоб вы знали – во МХАТе нет осветителя, у Табакова, казалось бы! У меня еще и радиста нет. Да что там говорить! Я здесь до сих пор нахожусь на полставки! Никто даже не знает, что это за деньги безумные! Я же здесь провожу целые дни! Мне летом пришлось сняться в шести картинах сразу, и даже если меня будут ругать за эти работы, я скажу честно и откровенно: надо жить, у меня трое детей, мне надо их кормить.

– Вам, наверное, во многом себе приходится отказывать, единственное удобство – что Вахтанговский театр и Симоновский находятся через Арбат, хоть идти недалеко...

– Да, недалеко. Когда мы играем днем «Без вины виноватые», кончаем в полшестого, а в семь у меня уже здесь спектакль. И я единственно прошу: чтобы ко мне хоть во время спектакля не подходили что-то решать или что-то подписывать...

– А чего сейчас театру не хватает – не конкретно вашему, а вообще?

– Много чего не хватает... Ну, например, очень не хватает цензуры.

– ?!

– Сейчас же все разрешено! И художественным руководителям надо стараться не пропустить на свою сцену то, что может оказаться и пошлым, и нетеатральным, и безвкусным: чернушечку, порнушечку. Я уже не говорю о том, что матом ругаются со сцены. Это вообще безумие.

– Почему же безумие?

– Безумие, потому что когда со сцены матом, в этом есть какое-то элементарное артистическое бескультурье – ведь все-таки, в конечном итоге, театр для меня – это алтарь. Безумие, потому что ведь с детства нас приучали родители не ругаться, правильно? А в школе все ругаются! Это потаенное, это запретный плод, а теперь и на телевидении ругаются, теперь даже в рекламе начался мат, а ведь реклама детям интересна! Что это за поколение мы выращиваем, в конце концов?! Моей девочке два года. Я ей показываю «Бемби», на котором я вырос, показываю «Карлсона», и она плачет, что Карлсон улетел, а я радуюсь тому, что она плачет. А ведь завтра она перестанет плакать.

– Все равно не понимаю, почему нужна цензура. Ведь зритель в конце концов выбирает, что ему смотреть, а что нет.

– Почему нужна цензура, вы поймете, если приедете в Израиль и посмотрите, что туда наши везут. Что там делают эти шоу-мальчики! Я просто даже выговорить не могу – оголяются, онанируют, что это такое? Русские артисты? Ведь это же воспринимают как российское искусство! А смотришь наш старый кинематограф, и вдруг начинаешь захлебываться от слез – такая пронзительная возникает ситуация, чистая, наивная, и ты понимаешь, что в ней есть то добро и та человечность. Вы не задумывались, почему «Иркутская история» в свое время так сильно воспринималась людьми? Потому что кроме интересных образов, там была и нравственная сторона. Почему «Три тополя на Плющихе» так любима? Потому что маленький, но нравственный урок! Доброго, наивного, чудодейственного. Ведь каждый человек рождается гением. И надо его научить остаться гением. Наши зрители все равно наивны. Одна смотрела «Три тополя» раз 16. Я ей говорю: «Зачем ты так много ходишь?» – «Ну когда-нибудь она же должна открыть эту дверь!»

– Ну что вы хотите: волшебная сила искусства...

– Да-да. А сейчас есть спектакли, после которых зритель выходит и говорит: «Нет, мы больше в этот театр не пойдем». Это ведь мы отторгаем своего зрителя от театра! Антреприза на антрепризе, где в наспех сляпанных спектаклях играют хорошие артисты. И не только старики, сейчас и молодежи талантливой много. В Вахтанговском театре это – Максим Суханов. Я видел, например, Хлестакова в его исполнении – человек обладает такой энергетикой, которая несется в зал! Володя Симонов – замечательный. Аронова – замечательная. Но совсем другое дело – куда их поведут, куда пойдет судьба.

– Разве в их судьбе есть что-то тревожное?

– Понимаете, при маленькой театральной зарплате молодой талантливый, с перспективой артист идет работать в кино, в антрепризу: там ему совсем другие деньги светят. Или идет на кастинг какого-то мюзикла, куда, если он попадет, то сложится уже совсем другая биография. Вот сейчас из театра Вахтангова ушли многие молодые актеры – из тех, кого отбирали для театра, спорили на худсоветах, ругались, отвоевывали. Конечно, по молодости они еще не понимают, что только работа на одном месте заставляет следить за своими ролями. Если нет стабильности, то профессионализма не будет. Что такое «звезда»? Это вспыхнувший миг. А великий артист – это шаг за шагом работающий. Он как бы следит за своими работами. И если у него получается конвейер, то ты его замечаешь и начинаешь его уже оценивать как профи. Он требователен.

– Ну, требовательность очень часто – это просто тяжелый характер...

– Нет. Это сосредоточенность на том, что ты делаешь. Вот я сейчас снимаюсь в «Женской логике-3» с Алисой Фрейндлих. Как у нее все продумано, и если она спорит с режиссером, то это всегда по делу. Или снимался я с Татьяной Васильевной Дорониной. Вот у нее требовательность! Все говорят – плохой характер. Ничего подобного. Плохие характеры у тех, кто ее окружает. А она требует у всех такой же ответственности, какую чувствует сама. Что иногда говорят про Аллу Пугачеву!.. Мы некоторое время с ней дружили. Вот она закончит концерт, потом ее превозносит публика, потом у нее банкет, потом в 3 часа ночи ее дожидаются оркестранты, и она с ними до шести утра репетирует. Это что такое? Это требовательность к тому, что она делает. И это такой износ! Наш артист мелодию написал какую-то, принес ей. Пропел. Она один раз проиграла, потом другой раз проиграла, потом пробовала изменить, так мучительно и долго думала, может ли что-то получиться. Потом сказала: «Нет. Это Володе Макарову отдайте». Но она хотела, желала, думала... Что ж, не получилось.

– Вам часто приходится сталкиваться с другим, безответственным отношением к своему делу?

– Конечно, приходится. Вот мне посоветовали однажды Харатьяна пригласить, и я провалился на этом деле, потому что четыре спектакля он сорвал, народ не пошел, а потом выяснилось, что не звезда он вовсе никакая... Непрофессиональный актер может оттолкнуть от театра зрителя. А зрителей мало, их ограниченное количество. Театров в Москве сейчас 321, а раньше их было 29. В результате уже существует некая инфекция: шесть «Чаек» летает по Москве, три «Короля Лира... Никак угадать репертуар невозможно: обязательно кто-то схватится делать то же самое. А это обидно.

– Почему обидно?

– Потому что хочется, чтобы зритель знал свой определенный репертуар. Чего там дурака валять – мы же знаем, что простой зритель говорит: «О, это я уже видел», и он не пойдет на шесть «Чаек», он пойдет на одну. Он же платит свои деньги! А если он не видит какую-то, предположим, неизвестную пьесу, значит, у него нет открытия.

– И это толкает вас к поиску никем не замеченных пьес?

– Мы стараемся, чтобы наш репертуар был отдельным от других коллективов, не падаем на уровень поделок. Мы хорошо одеваем артистов, и декорацию делаем. У нас появляются постоянные зрители, и это дорогого стоит. Юрий Поляков, теперь известный сценарист и драматург, начал с нашего театра – с «Козленка в молоке». Его роман мне кто-то посоветовал почитать. Я сразу увидел, что в нем есть театр.

– Какие еще сюжеты, как вам кажется, могли бы быть интересны сегодняшнему зрителю? Что бы вы сами хотели сказать ему со сцены?

– Я – за романтический театр и за театр политический, как ни странно. Я знаю, какой резонанс это вызывает у зрителя. Мне хотелось бы рассказать, как мы легкомысленно потеряли империю. Всю эту историю про Беловежскую пущу. Но страшновато: все живы-здоровы. Съедят и растопчут. Скажут, что все вранье. Хочется рассказать еще, как защищать семью от этого невероятного криминала, как мы не можем спасти своих детей от случайности. Сегодня, я уверен, наступил такой период, когда зритель хочет услышать про себя самого. Хорошо бы, если бы это было что-то доброе и чтобы в любом случае была какая-то надежда. Мне не хочется окунать людей в грязь. Должна быть своя «мысля-макаронина», как говорил Бабель.

– Ну и напоследок, Вячеслав Анатольевич, избавьте меня от «мысли-макаронины» по поводу ваших любовных побед. Скажите честно: у вас, правда, нет «донжуанского списка»? Или все-таки есть?

– Да нету, нету.

Вера КАЛМЫКОВА
(фото автора)

Шалевич Вячеслав